

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ МУХАДИНА БЕМУРЗОВА

М.А. Табишев

В статье исследуется лиро-эпическое творчество Мухадина Хамидовича Бемурзова (1948–2007) – черкесского поэта, публициста, педагога, заслуженного учителя КЧР, члена Союза писателей России, народного поэта КЧР, лауреата Международной премии имени Иззата Кандура. Актуальность темы исследования обоснована необходимостью восполнения существующего пробела в изучении истории становления и проблем эволюции жанров адыгской поэзии. Научная новизна работы заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ лиро-эпического наследия М. Бемурзова. Главная цель исследования состоит в определении вклада поэта в развитие национальной лиро-эпической поэзии. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: изучить содержательные и структурно-композиционные признаки басни «Сказка о лисе», «Баллады о войне», поэм «Сказ о мужестве», «Братская любовь», «В добрый путь, молодость!», «Грустная поэма», «Памяти наших соплеменников князей-дворян», венка сонетов «Верен любви», фабулярных (сюжетных) стихов «Сказка для взрослых», «Недоразумение», «Тот, кто предал свой народ»; обозначить степень соответствия/несоответствия произведений авторским определениям их жанров; выявить особенности жанрово-тематической парадигмы лироэпики поэта. В ходе исследования устанавливается жанровая принадлежность каждого из рассматриваемых произведений: в большинстве случаев она совпадает с пометками самого поэта («басня», «баллада», «поэма», «венки сонетов», «быль», «случившееся», «древняя сказка»), представленным в его книгах. В статье используются комплекс общенаучных методов – наблюдение, анализ, описание, герменевтический и сравнительно-исторический методы. Полученные результаты могут найти применение при проведении исследований в области адыгской художественной словесности, написании квалификационных работ, разработке учебных курсов по адыгской (кабардино-черкесской) поэзии.

Ключевые слова: адыгская (черкесская) поэзия, Мухадин Бемурзов, лиро-эпические жанры, басня, баллада, поэма, венки сонетов, фабулярный стих.

Для цитирования: Табишев М.А. Жанрово-тематическая парадигма лиро-эпической поэзии Мухадина Бемурзова // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 55 (94). С. 120-132. DOI: 10.46698/VNC.2025.94.55.006

Поступила в редколлегию: 24.02.2025 г.

С первых дней становления профессиональной адыгской литературы лиро-эпические жанры получили в ней обширное развитие. Этому предшествовало их формирование в устно-поэтическом творчестве народа. Басня, баллада и поэма восходят к фольклорным песенно-поэтическим композициям и ранним сочинениям просветителей XIX в. (Кази Атажукин, Паго Тамбиев, Таусултан Шеретлоков и др.). Процесс их зарождения требует отдельного рассмотрения, но в контексте данного исследования важно подчеркнуть, что пройдя длинный путь становления, к настоящему времени жанры лироэпика в национальной поэзии достигли высокого уровня развития. Вклад поэтов разных поколений и уровня мастерства в этот процесс, конечно же, неравнозначен, но участие каждого из них, безусловно, ценно. При этом важно заметить, что, если одни авторы преимущественно работали в жанре басни (М. Паранук, А. Шомахов, Х. Ашинов, Б. Кагермазов, Б. Тхамоков), то другие – в жанре баллады (К. Дугужев, З. Налоев, Л. Губжоков, Х. Кажаров, А. Бицуев) или поэмы (А. Шогенцуков, Ад. Шогенцуков, Х. Беретарь, Н. Куек, И. Машбаш, В. Абитов, Д. Гутякулов и др.). А некоторые поэты (Б. Куашев, А. Кешоков, М. Бемурзов) совмещали в своем творчестве все рассматриваемые жанры. Так, например, черкесский поэт Мухадин Бемурзов является автором нескольких лиро-эпических произведений – одной басни, одной баллады, пяти поэм, а также фабулярных

стихотворений лиро-эпического характера (или типа). (Отметим, что количественные показатели лиро-эпических произведений приводятся в авторском определении их жанров, отраженных в книгах М. Бемурзова.)

Творчество Мухадина Бемурзова стало объектом исследования в трудах северокавказских ученых-литературоведов Х.И. Бакова [1; 2], М.И. Баковой [3], Л.Б. Хавжоковой [4; 5; 6] и др. Краткий обзорный анализ жизни, творческой и педагогической деятельности поэта также представлен в антологиях, справочных и энциклопедических изданиях, в частности, в первом томе трехтомного биобиблиографического словаря «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв.» [7, 170–175]. Однако при определенной изученности поэтического наследия М. Бемурзова некоторые грани его творчества, в том числе лироэпика, на сегодняшний день остаются малоисследованными.

Как выше отмечалось, Мухадин Хамидович работал во всех лиро-эпических жанрах. Его перу принадлежат: басня «Сказка о лисе» («Бажэм и таурыхъ»), «Баллада о войне» («Зауэм теухуа балладэ»), поэмы «Сказ о мужестве» («Лыгъэм и тхыдэ»), «Братская любовь» («Къуэш лъагъуныгъэ»), «В добрый путь, молодость!» («Гъуэгумахуэ, щлалэгъуэ!», 1977), «Грустная поэма» («Поэмэ нэщхъей», 1987–1991), «Памяти наших соплеменников князей-дворян» («Ди лъэпкъ пщы-уэркъхэм я фэеплъу», 2000–2001). В целях опре-

деления вклада М. Бемурзова в эволюцию адыгской лиро-эпической поэзии представляется целесообразным отдельное рассмотрение каждого из перечисленных произведений, а также некоторых фабулярных (сюжетных) стихов поэта. При этом важно заранее оговорить, что анализы поэтических текстов (особенно поэм) будут обзорными, так как рамки статьи не позволяют представить более обширное и детализированное исследование по указанному выше значительному объему художественного материала.

Басня – один из «старших» и, следовательно, наиболее развитых жанров адыгской литературы. Ее формирование относится к предлитературному и раннелитературному периоду, представленному, соответственно, творчеством просветителей второй половины XIX – начала XX в. и ряда авторов из плеяды репрессированных в 1930-е гг. авторов (Т. Борукаев, П. Шекихачев). История становления и тенденции эволюции кабардинской версии адыгской басни изучены в диссертационной работе К.О. Хашир [см.: 8], в то время как черкесская и адыгейская версии этого жанра до сих пор не стали предметом специального научного исследования. Анализ басни «Сказка о лисе» («Бажэм и таурыхъ») М. Бемурзова частично восполнит этот пробел.

Как известно, лиса – самый распространенный, а потому чаще всего и главный персонаж басен: достаточно вспомнить «Лису и ворону» И. Крылова, «Лису-проповедницу»

И. Дмитриева, «Лису и виноград» («Бажэмрэ жызумымрэ») Т. Шеретлокова, «Лису и Куриное перо» («Бажэмрэ Джэдыцымрэ») Б. Пшункова, «Лису и Куницу» («Бажэмрэ Дзыдзэмрэ») Б. Кагермазова и т.д. В контексте рассматриваемого произведения лиса также играет роль центрального персонажа и представлена в ее традиционном образе – хитрой и меркантильной.

По содержательным и структурно-композиционным признакам «Сказка о лисе» Бемурзова соответствует жанровым канонам басни: представляет собой «небольшое стихотворное произведение нравоучительного характера, [в котором] аллегорически изображаются человеческие поступки и социальные отношения» [9, 57]. Лиса, охарактеризованная привычными для ее образа эпитетами, *хьилэ* – «хитрая», «коварная», *хьилэцIакIуэ* – «вершительница хитрых/коварных дел», назначается руководителем леса. Избиратели, проголосовавшие за нее, возлагают большие надежды на ее правление, которое, по их предположениям, должно быть самым честным и плодотворным. Однако положительные изменения произошли только в жизни самой лисы и ее семьи, которая настолько разбогатела, что дети стали беситься с жиру: «*И бынхэр-цэ! И бынхэри зы жинт*» [10, 20]. – «А дети-то какие! Дети были подобны наваждению», – говорится в басне. Сама же лиса уничтожила лес, брала взятки, ласково говорила со своими партнерами-злоумышленниками и плохо обращалась с простыми оби-

тателями леса. Но, как известно, над каждой силой есть сверхсила: так продолжалось до тех пор, пока лиса не столкнулась со львом-ревизором, который, узнав о недобропорядочных поступках лисы, арестовал все лисье семейство. Далее, казалось бы, все должно было наладиться, однако происходят парадоксальные события: бездетный лев умирает, а на его место собираются назначить другую лису... Таким образом, получается замкнутый круг чередования добра и зла на земле, в тексте подчеркивается их извечная борьба. В конце произведения, как принято в басне, приводится авторское резюме, начинающееся с шаблонной фразы «мораль сей басни такова...»:

*Мы шьтсэм кэикГыр сфЮощГыр ЮпицІ
фхуэхъуа:
Кээрал хабзэнишэу, Юлэхъэр тет здэхъуам,
Сыт щыгъуи бажэ щылэхум щаЮтГыжиц,
Зы бажэм адрей бажэр щитетыжиц [9, 23].*

Мораль сей басни такова:

В государстве, в котором царит беззаконие,
Торжествуют лисоподобные существа,
И над одной лисой [по должности] стоит
другая лиса.

(Здесь и далее подстрочный перевод наш. – М.Т.)

Как ключевые признаки жанра, в басне М. Бемурзова также наблюдается построение сюжета с «установкой на мораль» и присутствие диалога, который «придает ей оттенок комедийности» [9, 57].

В творчестве поэта выявлена единственная баллада с авторским обозначением жанра. Она посвя-

щена теме Великой Отечественной войны, которая вынесена в ее заглавие – «Баллада о войне». Значимость произведения отчасти определяется тем, что оно включено в программу средних школ, в частности, в хрестоматию для 8-го класса. Это изначально подчеркивает его дидактическую направленность и духовно-нравственную ценность.

Героиня баллады – пожилая женщина, ожидающая сына с войны. Мотив тщетности надежд матери, потерявшей сына, встречается и в творчестве других адыгских авторов – например, в рассказе «Нана-носильщица воды» (или «Водяная бабка») Ахмедхана Налоева. Подобно главному персонажу этого рассказа, безымянная бабушка из баллады Бемурзова ни на минуту не сомневается в том, что ее сын жив и обязательно вернется домой для того чтобы «погладить ее поседевшую от горя голову» – «*Іэ дилгэну и щхъэу гуауэм игъэтхъуам*» [11, 251].

В соответствии с требованиями жанра в «Балладе о войне» присутствует острый конфликт (сама война), в том числе психологический (внутреннее состояние матери), прослеживаются такие важные свойства как однособытийность и трагическая концовка, причем в произведении транслируется трагизм не только одной личности или семьи, а более глобального масштаба:

*Зауэ гуиІэгъунишэ,
А фызыжьым хуэдэу
Сыт хуэдиз мы щГыгум
ГуІэу кытебнар! –*

Анэр йожьэр быным,
 Быныр йожьэр адэм.
 Фызхэр йожьэ я лыу
 Зауэм хэкгуэдам [11, 251].

Безжалостная война,
 Подобно этой старушке,
 Скольким людям на земле,
 Ты принесла горе! –
 Мать ждет сына,
 Дети ждут отца,
 Женщины ждут своих мужей,
 Погибших на войне.

В заключительной строфе баллады отмечается, что боль войны никогда не утихает. Произведение особенно актуально в наши дни – в год 80-летия победы нашей многонациональной и многострадальной страны в Великой Отечественной войне.

Оригинальное сочетание лирического и эпического наблюдается и в поэмах, венке сонетов «Верен любви» («Лъагъуныгъэм сыхуэщыпкъэщ», 1973) и некоторых фабулярных стихотворениях М. Бемурзова. Как отмечалось ранее, рамки статьи не позволяют провести подробный анализ всех этих произведений, но важно отметить их тематическую направленность и соответствие жанровым канонам, действующим в лироэпике.

Одно из первых лиро-эпических произведений поэта «Братская любовь» в его книге «Сказ о мужестве» [12] приводится в разделе «Поэмы», при этом там же в авторском определении оно представлено как *хъыбар/хабар*. Слово *хъыбар* в кабардино-черкесском языке имеет несколько значений – «весть», «новость»,

«история», «рассказ», «повествование». Как заметно, семантика слова больше связана с прозой, чем с поэзией. Однако в данном конкретном случае, исходя из содержания произведения, его следует перевести как «быль».

«Братская любовь» – произведение объемное и вполне может претендовать на признание его в качестве поэмы, вместе с тем по другим жанровым признакам оно близко к балладе. Эти признаки проявляются, начиная с первых строк произведения, в которых содержится отсылка к так называемым «незапамятным временам» («гъадэщыгъдэ»). Подобный зачин фразой «давным-давно», «в древности» («*насэ зэманьжъу...*» [12, 70]) вносит в произведение элемент сказочности, что также является одним из свойств баллады. После обозначения абстрактного времени действия представляются идеализированные образы двух братьев – лирических героев произведения (наблюдаем приемы идеализации, гиперболизации). Далее следует повествование об истории их жизни: старший брат женат, младший – холост; невестка дома мила, воспитана, покладиста, хозяйственна, любит мужа и почитает всех членов семьи.

Согласно сюжету произведения, однажды братья отправляются на охоту. Дойдя до леса, расходятся в разные стороны. Старший брат, увидев тура, начинает гнаться за ним, но безуспешно: тур, словно призрак, исчезает прямо перед ним и вновь появляется в другом месте. Это выводит умелого охотни-

ка, который привык с первого раза поражать цель. Однако откуда он мог знать, что с ним играет сам Мазитха (*Мэзытхъэ*) – бог леса, принявший обличье тура. В конечном итоге, тур заманил охотника на высокую снежную вершину, а сам исчез. Вскоре стемнело и охотник, не зная как спуститься, остался на холодной вершине. Младший брат, вернувшись домой и, не обнаружив там старшего, отправился на его поиски. Найдя его, не знал, как подступить к вершине, чтобы помочь спуститься. И тогда отчаявшийся младший брат придумал коварный план, по которому старший брат сам спустился бы с вершины: он сказал ему, что любит его жену и что у них с ней давние отношения. Услышав это, старший брат пришел в ярость и, вгрызаясь ногтями и зубами в ледяные скалы, спустился оттуда, чтобы отомстить младшему: ведь по законам гор мужчина не имеет права умереть, не смыв такой позор кровью. Именно с этой целью младший выдумал такую подлую ложь, а старший выжил любой ценой.

Спустившись на землю, старший брат был обязан вызвать младшего на дуэль, поэтому братья вступили на края бурки («*щIакIуэ кIапэ тоувэ*» [12, 81–82]). Кульминационным и самым драматичным в произведении стал момент борьбы двух родных братьев. В этой схватке, согласно по горским законам (*бгырыс хабзэ*, *адыгэ хабзэ*), должен был победить именно старший из братьев, так как убить старшего брата считалось для

младшего большим позором, после чего невозможно было бы жить в консервативном кавказском обществе. Этот момент выделяется и автором произведения, объясняя, почему погиб именно младший брат: «*АрицхъэкIэ ажалым / КъыIэщIиха къуэшыр / ИукIыжмэ и Iэм, / Сыт жаIэнуур къуажэм!*» [12, 82]. – «Но если [старшего] брата / Спасенного им из лап смерти, / Он [младший брат] убьет своей рукой, / То, что будут говорить в ауле!». То есть, «то, что скажут в ауле» получается важнее человеческой жизни.

Смерть младшего из братьев – трагический момент, присутствие которого в балладе является необходимым по законам жанра. Но по-настоящему трагический финал наступает в тот момент, когда старший брат, смертельно ранивший младшего, узнает, что все было выдуманно, и что он по большой ошибке пролил родную кровь.

Таким образом, «Братская любовь» Бемурзова содержит в себе главные признаки баллады, в том числе национально маркированные элементы в виде мифо-фольклорных образов и мотивов, подчеркивающих обращенность к древности. Вместе с тем важно учитывать значительный объем произведения, который сближает его с поэмой.

В основу поэмы «Адиух» также положено событие из древности, точнее – известный сюжет из нартского эпоса о супругах Адиух и Псабиде. Произведение представляет собой полную перетрансляцию известной истории о чудесном

свечении запястья Адиюх (*Иэдиуху* – *Иэдий*/запястье + *ху*/свет, светлый, светить) и гибели Псабиды (*Псэбыдэ* – *псэ*/душа + *быдэ*/крепкий), после чего женщина совершает суицид.

По остроте конфликта (между мужем и женой), однособытийному сюжету, обращенности к древности, сказочным мотивам, мифо-фольклорной основе и трагической концовке «Адиюх», так же, как и «Братская любовь», максимально близка к балладе. Но и здесь отсутствует одно из главных свойств этого жанра – лаконичность, поэтому произведение представляет собой явление трансжанровое, совмещающее в себе черты баллады и поэмы.

В поэме «Сказ о мужестве» («Лыгъэм и тхыдэ» – букв. «История мужества») повествуется об истории человечества и определяется роль и место адыгского этноса в ней. Автор освещаются все значимые исторические факты и события от глубокой древности до 80-х гг. прошлого века. В их числе – восстание Спартака; падение Вавилона; эпоха шумеров; битва Александра Македонского с персами; нашествия монголов, крымских татар, Тимура Хромого (*Темыр Лъашэ*); период Кавказской войны; Октябрьская революция и т.д. При этом в поэме отсутствует определенная сюжетная линия, все события отражаются в ретроспекции и без какой-либо динамики – в форме простой констатации и перечисления фактов. Повествование ведется от лица автора и построено в виде сплошного монолога. В заключительных строфах становится

очевидным, что произведение создано в соответствии с «требованиями» времени и в рамках идеологии существовавшей власти:

*Мардэниэщ Октябрьшухуэм илэ
щГыхьыр, –
Кгуэдылэм, адыгэщI, уригэкIащ.
Уи бынхэм зэтымычу бий къащыхьэм,
Пицы уэркъхэм яхуищIащ я гъуэгур кIэщI
[12, 70].*

Безмерно высока честь великого Октября, –
От гибели, адыгская земля, тебя он спас.
Врагам, бесконечно беспокоившим твоих
детей,
Князья-дворяне отрезали пути.

Поэт утверждает, что в огне Октябрьской революции сгорели все войны, зависть, эгоизм, лицемерие и другие пороки человечества.

В целом, по совокупности содержательных и композиционных признаков жанровая принадлежность «Сказа о мужестве» к поэме вызывает некоторые сомнения, скорее всего – это развернутое стихотворение с вкраплениями элементов эпоса.

Примерно такая же картина наблюдается и в поэме (в авторском определении жанра) «В добрый путь, молодость!». В основу произведения положены воспоминания самого поэта и ностальгия по школьным годам. Тридцатилетний лирический герой мысленно возвращается в беззаботное время ученичества и тоскует по безвозвратно ушедшей молодости, но рад тому, что ему не пришлось навсегда покинуть родную школу, так как остался работать там педагогом.

В числе положительных характеристик произведения следует указать глубокий философский подтекст, раздумья автора о быстротечности жизни и смысле человеческого существования. И в данном случае композиция выстроена в форме монолог-обращения автора к навечно покинувшей его молодости, которую провожает с благодарностью: «*ПхузоццЫжыр сэ цхьэцэ, / Щалэгъуэ дахацэ, / ИкIи уэ кьысхуэццIахэмкIэ / Сыарэзыцц*» [12, 91]. – «Прощальный поклон тебе, / Прекрасная молодость, / Всем, что ты сделала для меня, / Доволен».

В произведении отсутствует динамично развивающийся сюжет, что также противоречит жанровым канонам поэмы. Другими словами, наблюдается доминирование лирического начала над эпическим, что в то же время не исключает определенного присутствия в нем последнего.

Поэма «Памяти наших соплеменников князей-дворян», как и многие рассмотренные выше произведения М. Бемурзова, посвящена осмыслению истории адыгов и начинается с обращения к «древнему» своему предшественнику: «*Си япэкIэ мы псыхъуэм дэса цIыху, / Сэ уи цIи узыццыци сымыцIыху, / Зыгуэри хэзмыцIыкI уи псэукIам / Е цхьэусыгъуэ узэрылIыкIам*» [10, 89]. – «Человек, живший до меня в этой долине, / Я не знаю ни твоего имени, ни из какого рода ты, / Мне также ничего не известно о том, как ты жил / Или от чего ты умер».

Далее все произведение выстраивается в форме обращения автора к

ушедшим в далекое прошлое соплеменникам – князьям-дворянам. В своем ретроспективном обращении поэт параллельно дает характеристику этим храбрым и высоконравственным представителям этноса, описывает трудности, с которыми им пришлось столкнуться, и то, с какой стойкостью и честью они их преодолевали. Вместе с тем отмечаются такие пороки гордых князей-дворян, как эгоизм, неумение находить компромисс, идти на уступки и, как следствие, разрозненность, которая в конечном итоге привела к их исчезновению.

В целом, «Памяти наших соплеменников князей-дворян» представляет собой панорамное художественное полотно, на котором отражаются некоторые лица и события из истории этноса, но оно статично, словно снимок (фотография), сделанный глазами автора и на котором неподвижны запечатленные на нем персонажи. Читатель лишен права сформировать собственное представление о князьях-дворянах, исходя из их поступков, реплик, взаимодействий с людьми, так как их образы передаются исключительно в статике и со слов автора, который дает им полную характеристику и «предлагает» собственную интерпретацию их действий. И в данном случае отнесение произведения к жанру поэмы считаем не совсем целесообразным, несмотря на большой объем и присутствие элементов эпоса в его композиции.

В творчестве Бемурзова встречается ряд фабулярных (сюжетных)

произведений, близких к балладе как по содержательным, так и формальным (композиционным) признакам. Вместе с тем они не могут быть в точности охарактеризованы как баллады, в которых выдержаны все параметры жанра. Такие поэтические композиции, на наш взгляд, следует обозначить термином «предбаллада», поскольку в них проявились одни из первичных признаков жанра в черкесской литературе.

Черты баллады-аллегии, например, прослеживаются в «Сказке для взрослых» («Балигъхэм папщӀэ таурыхъ»). В основу сюжета положен спор между двумя родниками, протекавшими в ущелье. Один из них говорит, что ему надоела беспросветная жизнь в «гробу» узкого и темного ущелья, куда не проникают ни солнце, ни ветер. По этой причине он призывает второго вместе отправиться в путь в поисках моря, для того чтобы воссоединиться с ним и начать жизнь в «просторных» морских водах. Второй родник не соглашается на это, ссылаясь на то, что не может быть счастлив тот, кто отрекается от истоков и покидает свою родину. В итоге продолжительный спор двух родников не приводит к какому-либо общему решению и каждый остается при своем мнении. В данном случае нетрудно догадаться, что родники выступают прототипами людей: некоторые из них привязаны к родным корням и земле предков, другие же, не раздумывая, переезжают в места «выгодные», более комфортные для проживания в материальном,

климатическом и др. отношениях. В этом и заключается мораль стихотворения. Автор не комментирует сложившуюся ситуацию и оставляет читателю право выбора, какую сторону занять в возникшем споре родников.

В творчестве Бемурзова встречается еще несколько сюжетных стихотворений, наделенных некоторыми чертами баллады. В их числе: «Недоразумение» («ЩӀэщхъу») с авторским обозначением «кӀэхъуа» – букв. «случившееся»; «Тот, кто предал свой народ» («Зи лъэпкъым епцӀыжам») в авторском определении жанра как «*насэрей псысэ*» – «древняя сказка» и др.

Венок сонетов «Верен любви» требует специального научного рассмотрения, что сделано в ряде работ указанных выше северокавказских литературоведов (см.: [3; 4; 6; 13; 14]). В контексте данного исследования это произведение актуально в плане выявления эпического начала, в то время как присутствие в нем лирического подчеркивается уже в заглавии.

В большинстве изданий по теории литературы, а также во многих справочниках и словарях литературоведческих терминов сонет приводится в числе лирических жанров (см.: [9; 15]). Соглашаясь с этим, уточним, что в венке сонетов возможно присутствие эпических образов и мотивов, наличие сюжета. Так, например, в венке сонетов Бемурзова рассказывается типичная история безответной любви. Композиция произведения выстроена

в виде воспоминаний лирического героя о том, как его возлюбленная, высмеяв его чувства, вышла замуж за другого. Он вспоминает, как они однажды познакомились на вечере в клубе, как с первого взгляда влюбился в нее, и она, протянув руку, дала ему надежду на их совместное будущее. Но завистники и «злые языки» разлучают влюбленных постепенно, подобно тому, как «капля точит камень» – *«псы тклуэспрэ нэт екьутэр псыхьуэ мывэр»* [12, 57]. Девушка выходит замуж за другого, создает свою семью, а лирическому герою ничего не остается, кроме как смириться с этой потерей. Таким образом, в произведении наблюдается четкая сюжетная линия, связывающая все пятнадцать сонетов, входящих в него. Это дает основание признать веночек сонетов «Верен любви» произведением лиро-эпического характера.

Подводя итоги исследования, отметим некоторые особенности лироэпики Бемурзова:

- в творчестве поэта развиты все основные лиро-эпические жанры;
- в некоторых произведениях наблюдается доминирование лириче-

ского начала («В добрый путь, молодость!», «Верен любви»);

- в ряде поэтических композиций прослеживаются признаки и свойства различных лиро-эпических жанров – баллады и поэмы, например («Братская любовь», «Адиюх»);

- авторское определение жанра некоторых поэм вызывает сомнения: по совокупности содержательных и структурно-композиционных признаков они представляют собой развернутые стихотворения с эпическими элементами («Сказ о мужестве», «Памяти наших соплеменников князей-дворян»);

- фабулярные стихи (в соответствии с авторскими определениями жанра – «быль», «случившееся», «древняя сказка») составляют отдельную часть лироэпики поэта («Сказка для взрослых», «Недоразумение», «Тот, кто предал свой народ» и др.).

Таким образом, результаты исследования демонстрируют жанрово-тематическое разнообразие лиро-эпического творчества Мухадина Бемурзова и определяют объемы и значимость его вклада в эволюцию национальной эпической поэзии.

1. Баков Х.И. К проблеме творческой индивидуальности черкесского поэта Мухадина Бемурзова // Гуманитарные исследования. 2013. № 2 (46). С. 102–106.

2. Баков Х.И. Черкесская литература в потоке времени // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2022. № 2 (297). С. 130–136.

3. Бакова М.И. Творчество Мухадина Бемурзова [на каб.-черк. яз.: Бемырзэ Мухьэдин и творчествэр]. Карачаевск: КЧГУ, 2005. 128 с.
4. Хавжокова Л.Б. Художественный мир Мухадина Бемурзова [на каб.-черк. яз.: Бемырзэ Мухьэдин и усыгъэ дунейр]. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. 190 с.
5. Хавжокова Л.Б. Творчество Мухадина Бемурзова как этнокультурный феномен // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2022. № 2 (53). С. 95–100.
6. Хавжокова Л.Б. Версификация как жанрообразующий фактор в венке сонетов «Верен любви» М. Бемурзова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 4. С. 1217–1222.
7. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь. В 3-х т. Т. I: А–И / под ред. Л.Б. Хавжоковой. Нальчик: Принт Центр, 2021. 380 с.
8. Хашир К.О. Кабардинская басня: генезис, историко-культурный контекст, поэтика: Дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2023. 206 с.
9. Квятковский П.А. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
10. Бемурзов М.Х. Адыгом быть нелегко: Стихотворения и поэмы [на каб.-черк. яз.: Адыгэу ущытыныр гугъущ. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ]. Нальчик: Эльбрус, 2002. 120 с.
11. Бемурзов М.Х. Баллада о войне [на каб.-черк. яз.: Зауэм теухуа балладэ] // Родная литература: Учебник-хрестоматия для 8-го класса. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1994. С. 250–251.
12. Бемурзов М.Х. Сказ о мужестве: Стихи и поэмы [на каб.-черк. яз.: Лыгъэм и тхыдэ]. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-е Ставроп. кн. изд-ва, 1981. 96 с.
13. Баков Х.И. Особенности адыгского сонета [на каб.-черк. яз.: Адыгэ сонетым хэль гъэщлэгъуэнагъхэр] // История адыгской (кабардино-черкесской) литературы [на каб.-черк. яз.: Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэм и тхыдэ]. В 3-х т. Т. III. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 91–135.
14. Хавжокова Л.Б. Эволюция венка сонетов в адыгской литературе: эстетика поэтики [на каб.-черк. яз.: Сонет Iэрамэм адыгэ литературэм щигъуэта зыужыныгъэр: поэтикэм и эстетикэр] // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 1. С. 280–293.
15. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

Tabishev, Murat A. – Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS (Nalchik, Russia); tabishev.murat@mail.ru

GENRE-THEMATIC PARADIGM OF MUKHADIN BEMURZOV'S LYRIC-EPIC POETRY.

Keywords: *Adyghe (Circassian) poetry, Mukhadin Bemurzov, lyric-epic genres, fable, ballad, poem, wreath of sonnets, plot verse.*

The article examines the lyric-epic works of Mukhadin Khamidovich Bemurzov (1948-2007) – a Circassian poet, publicist, teacher, honored teacher of the Karachay-Cherkess Republic, member of the Union of Writers of Russia, people's poet of the Karachay-Cherkess Republic, laureate of the International Prize named after Izzat Kandur. The relevance of the research topic is justified by the need to fill the existing gap in the study of the history of the formation and problems of the evolution of the genres of Adyghe poetry. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time a comprehensive analysis of the lyric-epic heritage of M. Bemurzov is carried out. The main goal of the study is to determine the poet's contribution to the development of national lyric-epic poetry. Achieving the set goal involves solving the following tasks: to study the substantive and structural-compositional features of the fable "The Tale of the Fox", "Ballad of the War", the poems "The Tale of Courage", "Brotherly Love", "Bon Voyage, Youth!", "Sad Poem", "In Memory of Our Fellow Tribesmen, the Princes-Nobles", the wreath of sonnets "Faithful to Love", the plot (plot) poems "Fairy Tale for Adults", "Misunderstanding", "The One Who Betrayed His People"; to designate the degree of correspondence/inconsistency of the works with the author's definitions of their genres; to identify the features of the genre-thematic paradigm of the poet's lyric epic. During the study, the genre of each of the works under consideration is established: in most cases, it coincides with the notes of the poet himself ("fable", "ballad", "poem", "wreath of sonnets", "true story", "what happened", "ancient fairy tale"), presented in his books. The article uses a set of general scientific methods – observation, analysis, description, hermeneutic and comparative-historical methods. The results obtained can be used in conducting research in the field of Adyghe artistic literature, writing qualification papers, developing training courses on Adyghe (Kabardino-Circassian) poetry.

For citation: Tabishev M.A. Genre-thematic paradigm of Mukhadin Bemurzov's lyric-epic poetry // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 55 (94). Pp. 120-132. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.94.55.006

References

1. Bakov, Kh.I. *K probleme tvorcheskoi individual'nosti cherkesskogo poeta Mukhadina Bemurzova* [On the Problem of Creative Individuality of the Circassian Poet Mukhadin Bemurzov]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies]. 2013, no. 2 (46), pp. 102–106.
2. Bakov, Kh.I. *Cherkesskaya literatura v potoke vremeni* [Circassian Literature in the Flow of Time]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism]. 2022, no. 2 (297), pp. 130–136.
3. Bakova, M.I. *Tvorchestvo Mukhadina Bemurzova* [The Works of Mukhadin Bemurzov]. Karachaevsk, KChGU, 2005. 128 p. (In Kabardino-Circassian)

4. Khavzhokova, L.B. *Khudozhestvennyi mir Mukhadina Bemurzova* [The Artistic World of Mukhadin Bemurzov]. Nalchik, Kabardino-Balkarian Institute for Humanities, 2014. 190 p. (In Kabardino-Circassian)

5. Khavzhokova, L.B. *Tvorchestvo Mukhadina Bemurzova kak etnokul'turnyi fenomen* [The Works of Mukhadin Bemurzov as an Ethnocultural Phenomenon]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanities]. 2022, no. 2 (53), pp. 95–100.

6. Khavzhokova, L.B. *Versifikatsiya kak zhanroobrazuyushchii faktor v venke sonetov "Veren lyubvi" M. Bemurzova* [Versification as a genre-forming factor in the wreath of sonnets "Faithful to Love" by M. Bemurzov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. 2024, vol. 17, no. 4, pp. 1217–1222.

7. Khavzhokova, L.B. (ed.). *Adygskie (adygeiskie, kabardinskie, cherkesskie, cherkesskogo zarubezh'ya) pisateli XIX–XXI vv. Biobibliograficheskii slovar'. V 3-kh t.* [Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian, Circassian diaspora) writers of the 19th–21st centuries. Biographical dictionary. In 3 vols]. Nalchik, Print Tsentr, 2021, vol. I: A–I. 380 p.

8. Khashir, K.O. *Kabardinskaya basnya: genesis, istoriko-kul'turnyi kontekst, poetika* [Kabardian fable: genesis, historical and cultural context, poetics]: Candidate dissertation (in Philology. Nalchik, 2023. 206 p.

9. Kvyatkovsky, P.A. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 376 p.

10. Bemurzov, M.Kh. *Adygom byt' nelegko: Stikhotvoreniya i poemy* [It's not easy to be an Adyg: Poems and poems]. Nalchik, El'brus, 2002. 120 p. (In Kabardino-Circassian)

11. Bemurzov, M.Kh. *Ballada o voine* [Ballad about war]. *Rodnaya literatura: Uchebnik-khrestomatiya dlya 8-go klassa* [Native literature: Textbook-reader for the 8th grade]. Cherkessk, Karach.-Cherkes. kn. izd-vo, 1994, pp. 250–251. (In Kabardino-Circassian)

12. Bemurzov, M.Kh. *Skaz o muzhestve: Stikhi i poemy* [A Tale of Courage: Verses and Poems]. Cherkessk, Karach.-Cherkes. otd-e Stavrop. kn. izd-va, 1981. 96 p. (In Kabardino-Circassian)

13. Bakov, Kh.I. *Osobennosti adygskogo sonata. V 3 t.* [Features of the Adyghe sonnet]. *Istoriya adygskoi (kabardino-cherkesskoi) literatury* [History of the Adyghe (Kabardino-Circassian) literature. In 3 vols]. Nalchik, Institute for Humanities of the KBSC RAS, 2017, vol. III, pp. 91–135. (In Kabardino-Circassian)

14. Khavzhokova, L.B. *Evolyutsiya venka sonetov v adygskoi literature: estetika poetiki* [Evolution of the sonnet wreath in Adyghe literature: aesthetics of poetics]. *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"* [Electronic journal "Caucasology"]. 2020, no. 1. pp. 280–293. (In Kabardino-Circassian)

15. Timofeev, L.I. Turaev, S.V. (eds, comps). *Slovar' literaturovedcheskikh terminov / red.-sost. L.I. Timofeev, S.V. Turaev* [Dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshchenie, 1974. 509 p.